

ПОЭТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Я. А. ДРАГОМАНОВА

Сообщение И. Я. Айзенштока

I

Среди поэтов-декабристов имя Я. А. Драгоманова обычно не упоминается; его произведений нет ни в одной из антологий поэзии декабристов. Между тем, в литературе уже давно существовали неясные указания на поэтические увлечения Драгоманова, указания, опиравшиеся на семейные предания, а иногда вовсе лишенные какого-либо определенного источника.

Так, М. П. Драгоманов в автобиографических «припоминаниях» говорил о поэтических склонностях отца и дяди, то есть Петра и Якова Акимовичей Драгомановых. Последний, по его словам, «в Петербурге даже написал поэму из народной украинской жизни, и отец мой декламировал мне впоследствии оттуда некоторые стихи, совсем не плохие»¹.

Сестра М. П. Драгоманова, О. П. Косач (выступавшая в украинской литературе под псевдонимом Олена Пчилка), привела в автобиографии ряд дополнительных подробностей, отражавших, впрочем, не столько факты, сколько предания о них. Отметив, что «оба Драгомановых были хорошо образованы и обладали литературными склонностями», О. П. Косач продолжала: «Их произведения охотно печатались в тогдашних журналах и альманахах. Яков писал стихи, а Петр, кроме того, и рассказы. У нас был альманах „Гирлянда“, где был помещен рассказ П. Драгоманова „Ямщик“, сентиментально народнического содержания, о любви, — очень несчастливой, — молодого ямщика и молодой крестьянской девушки; рассказ, для своего времени, написан по-новому, в реалистических тонах. Стихи оба Драгоманова писали довольно хорошо, хорошим литературным языком. <...> Петр, хорошо зная иностранные языки, печатал переводы старых французских романтиков, вроде Ламартина, Шатобриана, Леконт де Лиля. Яков Драгоманов писал свои стихотворения, посвящая их „моему гению — Греции“...»².

В настоящее время можно определеннее представить себе идейно-творческий облик Я. А. Драгоманова.

Яков Акимович Драгоманов родился в 1802 г., в семье небогатого гадячского помещика³. Отец декабриста в течение многих лет служил в различных канцеляриях военного ведомства и вышел в отставку с чином коллежского асессора. Как вспоминает О. П. Косач, у него была в Петербурге, в военном министерстве, сильная «рука», — и он отправил своих сыновей, Якова и Петра, в Петербург — первого служить, второго учиться⁴.

В своих показаниях Я. А. Драгоманов сообщал, что в 1817 г. поступил на службу в Совет военного министерства, потом перевелся в канцелярию

военного министра и прослужил здесь «с лишком 3 года», получив чин коллежского регистратора. В 1820 г. он, «по домашним обстоятельствам увольняясь в отпуск, заболел и не имел состояния отправиться на прежнюю службу<...>, но, горя желанием по выздоровлении продолжать оную, где бы то ни было, определился в Полтавский пехотный полк»⁵. В течение шести лет он был юнкером и только в январе 1826 г. был произведен в прапорщики. Здесь же в полку он был принят в члены Общества Соединенных Славян.

В Обществе Я. А. Драгоманов не занимал сколько-нибудь видного положения. «Алфавит декабристов», суммируя собственные его показания, сообщает, что он «вступил в Славянское Общество весною 1825 года. Знал только то, что целью оного есть улучшение правительства. Читал клятвенное обещание славян. Был два раза в собрании членов у Андреевича и другого не известного ему артиллерийского офицера в лагере близ местечка Лещина, где слышал тот же разговор о преобразовании правления. Сам в Общество никого не ввел и между нижними чинами ничего предосудительного не рассевал»⁶. Существенную роль при определении судьбы Драгоманова сыграло то, что Полтавский полк квартировал в Бобруйске и не принял непосредственного участия в восстании Черниговского полка; сам же Драгоманов с конца декабря 1825 г. находился в госпитале.

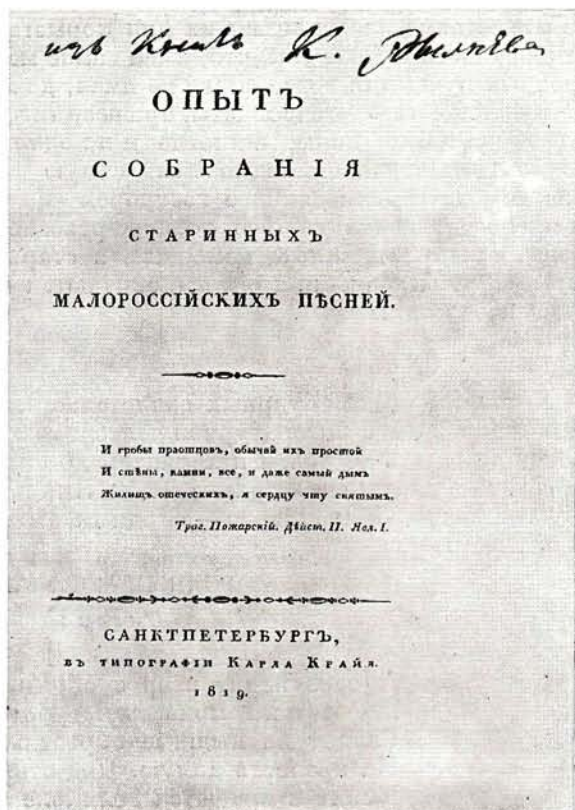
Личность Драгоманова была значительно интереснее и содержательнее этой официальной характеристики. И. И. Горбачевский, например, так характеризует Драгоманова: «Природные его дарования были развиты занятиями, деятельною жизнью и желанием образовать себя еще более. Вступив в Общество, он был ревностнейшим членом оного, участвовал во всех совещаниях в лагере под Лещиным и знал условия, на коих соединились два общества <то есть Общество Соединенных Славян с Южным обществом>. Хотя он был недоверчив и не полагал, что можно так скоро освободить Россию, однакож верил силе Южного общества и надеялся на успех замышляемого переворота. Будучи убежден, что для возмущения полка необходимо принять в Общество ротных командиров, способных действовать на солдат, и зная, что в Полтавском полку, кроме полкового командира Тизентаузена, поручика Усовского и Бестужева-Рюмина, нет ни одного члена, он решился тотчас после Лещинского лагеря увеличить число оных. Вследствие сего намерения он привял в Общество двух ротных командиров: поручика Троцкого и подпоручика Трусова, пылких и решительных молодых людей; сообщил им все известное о делах и намерениях Тайного общества, взял обещание действовать по общему плану и поднять знамя свободы при первом знаке к восстанию»⁷.

Не представляет труда понять разницу между характеристикой, сделанной осведомленным мемуаристом, и приведенной выше официальной характеристикой. Данные следственного дела убеждают, что Драгоманову на допросах удалось значительно преуменьшить свое участие в Обществе, сведя его лишь к двукратному посещению собраний. Сославшись на свою неосведомленность о целях и задачах Общества, он объяснил ее «тремя причинами», показавшимися Следственной комиссии вполне убедительными: «что не уверялись в скромности и преданности его <Драгоманов пишет в показаниях о себе в третьем лице>», «что он не был в последнем собрании, о котором говорили при выходе из первого, и в котором хотели <...> сделать настоящие переговоры; или же, наконец, что по мало-значительности своей не сочли за нужное объявлять ему о точной цели сего Общества, и средствах к достижению оной»⁸.

Объяснения эти казались Следственной комиссии тем более убедительными, что о Драгоманове почти не упоминали в своих показаниях другие

КНИГА «ОПЫТ СОБРАНИЯ СТАРИННЫХ МАЛОРОССИЙСКИХ ПЕСНЕЙ». ИЗД. 1819 г. ЭКЗЕМПЛЯР С ВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ НАДПИСЬЮ К. Ф. РЫЛЕЕВА

Библиотека СССР
им. В. И. Ленина, Москва

члены Общества Соединенных Славян; в частности, вовсе не упомянули о нем находившиеся под его влиянием офицеры Троцкий и Трусов, которые, после получения сообщений о восстании Черниговского полка, пытались присоединить к нему гарнизон Бобруйской крепости⁹.

Не много внимания было уделено Драгоманову и в специальной литературе, посвященной декабристам. Если не считать устаревшей, весьма поверхностной статьи И. Ф. Павловского¹⁰, о Драгоманове коротко упомянула М. В. Нечкина в монографии об Обществе Соединенных Славян¹¹ и дала сводку разбросанных в разных местах мемуарных высказываний и документальных упоминаний О. Д. Багалея-Татаринова в предисловии к публикации следственного дела Драгоманова.

Все эти отрывочные, разрозненные замечания и характеристики в совокупности довольно согласно рисуют облик захудалого провинциального дворянина-неудачника. Драгоманов получил хорошее по тому времени воспитание в столице, но недостаточность средств заставила его тянуть ляжку юнкера в глухой провинции, где он пробыл шесть лет вместо положенных четырех; дожидаясь производства в первый офицерский чин. Возможность какой бы то ни было «карьеры» на ином поприще исключалась тою же недостаточностью средств.

Бедность и личные неудачи, крепко уязвившие самолюбие, подготовили Драгоманова к усвоению пропаганды Общества Соединенных Славян, о чем рассказал на следствии в 1826 г. сам Драгоманов. Комиссионер Иванов, — показывал он, — «приглашая» его «ко вступлению в Общество, стремящееся ко благоденствию России», много говорил о том, что «в отечестве нашем, России, не находили во многом точного исполнения законов и видели многие отступления от оных и даже злоупотребления»,

что «крестьяне владельцами их для корыстолюбивых видов угнетены до бесконечности и даже так, что, имея самое малое время на труды для собственных нужд или вовсе оного не имея, доведены до постыдного человечеству нищенства», что «солдаты, при всей тягости долговременной службы, будучи за малые вины, а иногда и по одному капризу низшего начальства, весьма строго наказываемы, самую службу сию несут нередко гораздо более положенного государем императором 25-летнего времени, а если уже и доживут оного, то, пожертвовав службе отечества здоровьем своим, наконец, дряхлые, немощные и старые бедняки сии, не могущие питаться собственными трудами, скитаются почти без пропитания, а нередко и без приюта».

II

Хотя в скудных мемуарных свидетельствах о Драгоманове неизменно упоминалось о его литературной деятельности¹², однако никаких попыток точнее выяснить ее объем и характер до сих пор не делалось.

Нами обнаружена в архиве А. В. Никитенко (ИРЛИ) рукопись двух стихотворений Драгоманова — «Родным могилам. Элегия» и «В альбом Е. Ш...берг»¹³.

РОДНЫМ МОГИЛАМ

Элегия

Посвящена брату моему П. А. Д.

Далеко видит взор с обрывистой горы,
Где ветхий монастырь убогою главою
Глядит на пышные окрестные ковры,
На прелесть дикую. Под этою горою
Кипит и плещется великолепный Псёл.
Как мило вы над ним, дремучие дубравы,
Склонились с берегов! Но волны величавы,
Оставя вашу сень, плывут в зеленый дол
Искать других картин, искать и новой славы.

Великодушный Псёл, ты пощадил меня,
Когда, томимый зноем дня,
Плескался юноша прохладными струями
И утопал в тебе. Ты добрыми волнами
На берег выбросил питомца своего...
Зачем, безжалостный, ты пощадил его?..
Оставим прошлое.

Меж дикими холмами
Прибережной горы пустеет дикий сад,
Питомец старика. Убогие стоят
В нем два креста и две могилы.
Отец и сын в них рядом спят,
И делят смерти сон, как жизни сон делили!
Могилы бедные! заглохли вы травой,
И нет тропинки к вам! Знать, нет у вас родимых,
Нет никого, кто б подарил слезой
Кто б сострадательной рукой
Украсил смертный дом друзей непробудимых!

И сколько там еще таких могил,
У монастырских стен! Но и они ветшают!..
И к ним никто тропы не проложил!..
Что мне родней того, что сокрывает

Могилы те? Тот прах святой мне мил.
 Но я не знал, иль позабыл
 И имена родных, и время их цокая:
 Девятилетним сиротою
 Меня оставила родимая моя,
 И память юная сиротки не успела
 Святого затвердить; но живо помню я,
 Как, оставляя мир, она об нас скорбела.

Покинув дикий шум, шум славы боевой,
 Два раза посещал я милые могилы
 И мирный кров родной.
 Бродил в развалинах, угрюмый и унылый,
 С тоскующей, с растерзанной душой.
 Нашел ли я там сердцу утешенье?
 Там пусто все, там ветер завывал;
 И одр, где старец сон вкушал,
 Где жизни тягостной оставил сновиденья,
 Развалин сын, паук пустынный засновал!
 Дом опустелый мне вселял
 Какой-то в душу страх, — и близок он к па-
 дению,
 И скоро он падет! Помедли, кров родной,
 Дай сирому укрыться под тобой;
 Не долго под твоей приветной сенью
 Страдалец будет отдыхать:
 Он скоро в сад к родным пойдет сном креп-
 ким спать!

В АЛЬБОМ

Е. Ш...берг

Когда задумчиво-грустна,
 По ризе голубого свода,
 Станицей звезд окружена,
 Гуляет светлая луна
 И спит красавица-природа;
 Когда привычная тоска
 Души чувствительной слегка
 Эфирным крылышком коснется, —
 Вам как-то сладостно взгрустнется
 И ваша легкая рука,
 Как поцелуем ветерка,
 Разбудит струны клавикордов...
 Не правда ли, что грудь вздохнет
 И вздох украдкою сольет
 С последним ропотом аккордов?
 Не правда ли? — Зачем тайть? —
 Вы этот вздох хотите скрыть
 Под кружевом прозрачной дымки?
 Но, верьте, все изменит вам:
 И мольный тон, любимец дам,
 И флёр трепещущей косынки.

.

Они сокрылись вдалеке,
 Они исчезли, эти грезы;
 Теперь цветут в моем венке
 Одни обрывки дикой розы!
 На каждом бледном их листке
 Блестят, как дань моей тоске,
 Меланхолические слезы.
 И муза, верный спутник мой,
 Бежит надежд, бежит от славы
 И, бросив призрак их пустой,
 Сливают с тяжкою тоской
 Свои бемольные октавы.
 Ей милы грохоты громов,
 Порывной бури завыванье,
 И молний блеск, и волн плесканье,
 И говор пасмурных лесов,
 И над безмолвием гробов
 Берез пустынные шептанья.

О путях, какими попала в бумаги Никитенко настоящая рукопись, можно только догадываться. Личное знакомство Драгоманова с Никитенко, отнюдь не невозможное само по себе, не подтверждается данными архива и дневника последнего. Возможно, что стихотворения были переданы ему кем-либо из знакомых поэта для устройства в печати: Никитенко охотно принимал подобные поручения и успешно выполнял их, пользуясь широкой известностью в литературных кругах и будучи близок ко многим журналам как редактор или цензор.

С сохранившимися в рукописи двумя стихотворениями Драгоманова непосредственную связь имеет третье — «Шанфари. Арабская кассида», напечатанное в «Сыне отечества» (1838, т. II, март, стр. 6—10; подпись: Яков Драгоманов). Стихотворение это могло попасть в журнал через Никитенко, который был хорошо знаком с его редактором, Н. И. Гречем. «Шанфари», напечатанное как оригинальное стихотворение Драгоманова, является в действительности переводом известной «касыды с арабского» Мицкевича.

Заслуживает внимания самый факт опубликования в 1838 г. в русской печати стихотворения Мицкевича. В сентябре 1834 г. И. Ф. Паскевич писал Уварову, что при рассмотрении, по его приказанию, книг, изданных в Царстве Польском во время восстания 1831 г. и после него, особенное внимание обратили на себя в цензурном отношении «стихотворения известного польского поэта Адама Мицкевича», широко использовавшиеся «мятежниками» в агитационных целях. Особенно выделялись, писал Паскевич, «послание к Лелевелю, где сей главнейший крамольник назван исправителем сердец и просветителем умов юношества и где излиты все чувства приверженности и уважения к нему всех его читателей», а также «Конрад Валленрод». Паскевич настойчиво подчеркивал, что самый «дух сих сочинений таков, что их распространять не должно».

Уваров тотчас же ответил, что стихотворения Мицкевича, изданные в России в 1829 г., не будут впредь перепечатываться; равным образом запрещен был ввоз изданий, выпущенных за границей¹⁴. Запрещение это автоматически распространилось и на переводы из Мицкевича: две баллады последнего в переводе Пушкина («Будрыс и его сыновья» и «Воевода»), напечатанные в «Библиотеке для чтения» (1834, т. II), были обозначены — первая как «литовская баллада», вторая — как «польская баллада», и только в оглавлении журнала было глухо добавлено: «Из М—а».

Приведенные справки подчеркивают значительность появления стихотворения Драгоманова в «Сыне отечества»: перевод из Мицкевича удалось напечатать, обойдя цензурные запреты. Перевод был сделан тщательно, с большим приближением к подлиннику; о характере перевода могут дать представление начальные строки «кассида»:

Друзья! Поднимайте верблюдов на ноги скорей:
Шанфари к врагам отъезжает из ваших степей.
Уложены вьюки; ремень их к горбам притянул;
Вперед! Ночь спокойна, и месяц пустынный блеснул.
В дорогу! Когда же ночные туманы сойдут,
Бесстрашному всюду от козней найдется приют.
Не тесно нигде мне, когда я рассудком владею,
И роскошь изгнать, и горе размыкать сумею.
Найду я друзей и верней и надежнее вас:
То волк сиво-бурый, то пестро-узорчатый барс,
С добычей, растерзанной в пасти, хромая гиена;
Они мне друзья: у них неизвестна измена!
Нет ложного друга, что тайны в устах не хранит,
В пустыне заблудшего брата с насмешкой бежит.
У них за обиду есть месть, за насилие — бой!
Отважны — но им не сравниться в отваге со мной.
Я первый навстречу врагам вырываюсь в поле,
В разделе ж добычи последний являюсь за долей.
Великостью мысли и воли вы мне не равны:
Кто чувствует цену себе, тот стоит цены!

Находка стихотворения с подписью Я. Драгоманова в журнале тридцатых годов подтверждает основательность неясных намеков и относительно других литературных его выступлений. В процессе дальнейших поисков подтвердились также воспоминания О. П. Косач о «Гирлянде», в которой печатались произведения братьев Драгомановых. Правда, альманаха с подобным названием не существовало, но в 1831—1832 гг. М. А. Бестужевым-Рюминым издавался «журнал словесности, музыки, мод и театров» под этим названием. На страницах «Гирлянды» оказался ряд оригинальных и переводных произведений Я. А. и П. А. Драгомановых, в стихах и прозе¹⁵. В этом издании не нашлось, правда, рассказа под заглавием «Ямщик», «реалистические тона» которого запомнились мемуаристке на всю жизнь, но вряд ли мы ошибемся, если предположим, что в данном случае имелась в виду «пикардская легенда» «Золотой кубок».

Ряд стихотворений и прозаических переводов братьев Драгомановых обнаружен нами также в «Северном Меркурии»¹⁶. Возможно, что именно Бестужев-Рюмин, издатель и «Гирлянды» и «Северного Меркурия», пробудил у Драгомановых желание увидеть свои имена в печати. Об этом свидетельствует и послание П. А. Драгоманова «М. А. Бестужеву-Рюмину» («Северный Меркурий», 1830, № 5), положившее начало сотрудничеству обоих братьев в его журналах.

На что тебе мои мечты,
Безвестной музы сновиденья?.. —

спрашивает «гонимый непостижным роком» поэт адресата, который, как далее выясняется, собственно, и приобщил его к кругу «парнасских рыцарей столицы».

Как ни скудно выявленное поэтическое наследие братьев Драгомановых, оно дает возможность судить об отличительных чертах дарования

каждого из них, в частности Я. А. Драгоманова. Десять известных нам в настоящее время стихотворений последнего пронизаны меланхолией, грустным ощущением ушедшей безвозвратно молодости, невозможностью отдаться поэтическому творчеству:

Давно уже, окован суетами,
Бессильная добыча тяжких дум,
Я не будил послушными перстами
В забвении дремавшей лиры струн,—

писал он в стихотворении «К гению», объясняя дальше тщетность своих творческих исканий житейскими невзгодами и разочарованиями:

И что мог петь с растерзанной душою?
Что оживлять в угаснувших страстях?
Куда летать с разрушенной мечтою
На скованных страданиями крылах?
Нет, гений мой, насильным вдохновеньем
Упорного бессмертья не стяжать:
Мне рок судил в безвестности страдать —
И я не льщусь неверным сновиденьем.

Аналогичным настроением продиктовано также стихотворение «Самобийца»:

Он пал добычей добровольной
Неотразимого свинца:
Знать, сердцу бедного певца
На белом свете было больно?
Один, в глуши пустынных мест,
Над ним тоскует верный крест.

Элегии Драгоманова в значительной степени являлись посильной данью поэзии «грусти нежной», получившей такое распространение в двадцатых—тридцатых годах и вызвавшей резкое замечание Кюхельбекера о том, что «чувств у нас уж давно нет: чувство уныния поглотило все прочее. Все мы взапуски тоскуем о своей погибшей молодости; до бесконечности жуем и пережевываем эту тоску и наперерыв щеголяем своим малодушием в периодических изданиях»¹⁷.

Однако в стихотворениях Драгоманова отмеченные мотивы могли диктоваться также обстоятельствами его личной биографии. Выше говорилось о тяжелой юности Драгоманова. В последующие годы положение поэта не изменилось. Просидев, по приказу Николая I, в крепости в течение трех месяцев, переведенный затем прапорщиком в Староингерманландский пехотный полк «под строгий надзор полкового, бригадного и дивизионного начальства», Драгоманов уже в феврале 1828 г. был уволен в отставку «с оставлением под строгим секретным наблюдением»¹⁸. Предполагалось при этом, что, получив отставку, Драгоманов поселится на родине, в Гадячском уезде. В марте 1828 г. малороссийский генерал-губернатор Н. Г. Репнин получил от министра внутренних дел Ланского уведомление о высылке на родину отставного прапорщика Драгоманова; одновременно сообщалось предписание «иметь за ним секретно строгое наблюдение полиции». На соответствующий запрос Репнина земский комиссар, осуществлявший функции полицейского надзора в уезде, в апреле того же года донес, что Драгоманов еще не прибыл на родину и что, как только он появится, комиссар сочтет «неукоснительным долгом иметь за ним самое строгое наблюдение». Однако служебное рвение комиссара оказалось напрасным: как показывают повторные неоднократ-

ные запросы полтавской администрации, Драгоманов так и не появился в Гадячском уезде¹⁹.

О причинах этого можно только догадываться. К 1828 г. отец Драгомановых уже умер; материальное положение семьи было крайне тяжелым. С младшим братом Алексеем, принявшим на себя, после смерти отца, хозяйственные заботы, Я. Драгоманов, видимо, имел очень мало общего. Понятно, что при таких обстоятельствах он не был склонен возвращаться на родину и предпочитал жить вместе с братом Петром либо в непосредственной к нему близости (хотя и на полулегальном положении, так как любая легализация тотчас же получила бы отражение в официальных документах). Понятно также, что подобное существование не могло не отразиться на содержании поэтического творчества Драгоманова, обусловив мотивы тяжелой меланхолии, вплоть до мыслей о самоубийстве²⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ М. Драгоманов. Австро-руські спомини (1867—1877), І. Львів, 1889 стр. 4—5; ср. «Автобиография М. П. Драгоманова». — «Былое» 1906, № 6, стр. 182—183.

² Олена Пчілка. Оповідання з автобіографією. Харків, 1930, стр. 7. — В другом месте Косач сообщала еще, что «оба юноши, Яков и Петр, присоединились к передовым кругам тогдашней столичной молодежи» (Олена Пчілка. Спогади про Михайла Драгоманова. — «Україна», 1926, кн. 2-3, стр. 41).

³ См. «Україна», 1927, кн. 6, стр. 107—109.

⁴ «Україна», 1926, кн. 2-3, стр. 41. — Вряд ли справедливо сообщение Косач о том, что Я. А. Драгоманов окончили в Петербурге какую-то военную школу: сам он в своих показаниях об этом не упоминает; противоречит этому и шестилетняя его служба юнкером.

⁵ О. Багаліївна-Татаринова. Справа Якова Драгоманова. — «Декабристи на Україні», т. II. Київ, 1930, стр. 162.

⁶ ВД, т. VIII, стр. 80.

⁷ Горбачевский, стр. 198—199.

⁸ «Декабристы на Україні», т. II. Київ, 1930, стр. 161.

⁹ Об этом эпизоде см.: Горбачевский, стр. 200—204, а также: ВД, т. VI, стр. XXXV.

¹⁰ И. Ф. Павловский. Декабрист Яков Драгоманов. — «Україна», 1907, № 5, стр. 218—220.

¹¹ М. В. Нечкина. Общество Соединенных Славян. М., 1927, стр. 44—46 и др. (по указателю). — Портрет Я. А. Драгоманова (из собраний Гадячского музея) опубликован в журнале «Україна», 1927, кн. 6, стр. 109.

¹² См. прим. 1 и 2; ср. также: С. А. Венгеров. Источники словаря русских писателей, т. II. СПб., 1910, стр. 309.

¹³ ИРЛИ (19445, СХХХ61). — Рукопись эта не отмечена в обзоре В. В. Данилова («Декабристы и их время», 1951, стр. 251—279).

¹⁴ «В. В. Стасов». Цензура в царствование императора Николая I. — «Русская старина», 1903, № 5, стр. 385—386; ср. там же, № 12, стр. 686.

¹⁵ П. Др-в. Золотой кубок. Пикардская легенда (Из «Mercure des salons») («Гирлянда», 1831, № 4, стр. 103—106); Наследственная кукла. Рассказ. С немецкого Я. Д-в (№ 6, стр. 141—154); Прощание (из Борнса). Санглийского П. Драгоманов (№ 6, стр. 155—156); П. Др-нов. Могила славного (№ 10, стр. 244); П. Драгоманов. Горбатый. Испанская повесть. 1863 (Соч. Генриха Бертуда). Из «La Mode» (№ 12, стр. 285—293; подпись: Я. Д-в); Я. Драгоманов. Морлах в Венеции (Мысль из сербской песни) (1832, № 3-4, стр. 68—69). Сокращенные подписи братьев Драгомановых раскрыты в «Оглавлении», приложенном к № 16 «Гирлянды» 1831 г.

¹⁶ В «Северном Меркурии» напечатаны следующие стихотворения Я. А. Драгоманова: «В альбом N.» (1830, № 7, стр. 28; подпись: N. — Авторство устанавливается близостью к стихотворению «В альбом Е. Ш...берг», публикуемому нами по рукописи из архива Никитенко); «К гению» (1830, № 77, стр. 308; подпись: Я. Др-в); «Самоубийца. Романс» (1830, № 90, стр. 46—47; подпись: Я. Др-в); «Завещание» (С немецкого) (1830, № 109, стр. 122—123; подпись: Я. Д-в); «Родные могилы. Элегия» (1830, № 122, стр. 174—175; подпись: Я. Д-в); «Книга» (1831, № 23, стр. 96; подпись: Я. Драгоманов); «Ода анакреонтическая (Подражание Монкрифу)» (1831, № 65, стр. 263; подпись: Я. Д-в); «Истина» (1831, № 71, стр. 287; подпись: Я. Др-в); «Морлах в Венеции (Мысль из сербской песни)» (1832, № 1, стр. 4—5). Там же напечатано два сделанных Я. А. Драгомановым перевода художественной прозы: «Башня

Неслинская (1308)» (Из «Petit Courier des dames»)(1830, № 70, стр. 277—280; подпись: Я. Др—в); «Араб и перс. Восточное предание». С фр<анцузского> (1831, № 55, стр. 222—223; подпись: Я. Др—в). В «Северном Меркурии» опубликованы также стихотворения Петра Драгоманова, оригинальные и переводные.

¹⁷ «Мнемозина», 1824, ч. II, стр. 36—37.

¹⁸ ВД, т. VIII, стр. 80, 314—315.

¹⁹ И. Ф. Павловский. Из прошлого Полтавщины. К истории декабристов. Полтава, 1918, стр. 23.

²⁰ Все сказанное служит как бы реальным комментарием к опубликованной нами элегии «Родным могилам», особенно характерному образцу лирики Драгоманова. Автобиографические мотивы очень отчетливо звучат также в стихотворении «Морлах в Венеции», «мысль» которого, по свидетельству поэта, заимствована «из сербской сказки». В действительности стихотворение является свободным переводом «песни» из сборника Мериме «Гузла» или, что вероятнее, переделки Мицкевича, вызвавшей замечание Пушкина, что «Мицкевич перевел и украсил эту песню» (Пушкин, т. III, стр. 364; см. также пушкинский перевод стихотворения «Влах в Венеции»). Драгоманову оказались близкими переживания «морлаха» (то есть серба-далматинца), который поверил уговорам друзей, переселился в Венецию («Отчизну сменял на пустые громады») и захирел от тоски по родному краю:

Здесь хлеб мне насущный, как яд, нездоров,
Здесь воздух чужой не навевает прохлады,
Здесь волю купи, и дыханье купи —
Я чахну, прикован, как пес, на цепи.

Тут самые горцы, мой земляки,
Забыли язык и обычай родные;
Я здесь, как тростник, пересаженный в зной:
Сожжет его солнцем и сломит грозой.